

Фрагментированные и соперничающие национализмы в средневосточном лабиринте

Сионистский проект как еврейское националистическое движение, опирающееся на разнородную массовую базу, был запоздалым экспериментом по национальному решению «еврейского вопроса» в Европе. В идеологическом и практическом плане он восстанавливал исторический суверенитет еврейского народа в Палестине, которая служила одной из культурных связующих нитей диаспоры, особенно европейской. Проект был воплощён в жизнь в результате двух мировых войн, благодаря игре международного баланса сил и процессу деколонизации, иными словами, благодаря свёртыванию и распаду прежних европейских имперских позиций. Он находил поддержку у США и СССР, а впоследствии и у европейских империалистических держав. Менее зрелый и более слабый палестинский национализм оказался проигравшим.

Непримиримые принципы буржуазной теории государства

Арриго Черветто подчёркивал, что это относилось и к другим народам, например, к армянам и курдам.

В июне 1982 г. в наработках Черветто, в анализе Фолклендской войны между Аргентиной и Великобританией, мы находим размышления о «двух непримиримых принципах буржуазной теории государства»: суверенитете и самоопределении народов – «ссорившиеся в течение столетий и примирявшиеся только за счёт тех, кто не обладал даже малейшей силой для того, чтобы отстаивать их». «Демократической теории государства никогда не удавалось привести их к согласию, и окончательный вердикт всегда оставался за оружием, чьи подвиги отмечены в истории любого государства».

Требование права на национальный суверенитет «мало того, что противоречит суверенитету других государств, ещё и не совпадает с правом народов на самоопределение, поддерживаемым некоторыми меньшинствами». Это условия, в которых находятся все государства, «являющиеся продуктом внутренних и внешних войн, разнообразных альянсов, бесконечного числа исторических обстоятельств, неравного соотношения экономических сил, использования организованного насилия. Большая часть государств, признанных ООН, сформировалась за последние тридцать пять лет. Почти все они включили в свой состав народы разного этнического происхождения и получили свои права на национальный суверенитет при помощи того же насилия, которое колониализм и империализм осуществляли над ними. Многие из этих государств унаследовали границы, установленные административным путём старыми метрополиями. Некоторые из этих государств были или уже разделены, или находились на грани раздела»¹.

Из Бейрута в Осло

Месяц спустя Черветто применил этот же теоретический подход к вторжению Израиля в Ливан. Палестинский национализм, как он писал, был зажат между «многочисленными и противостоящими друг другу интересами»², которые проявились в ходе ливанского конфликта: сперва его взращивали и превращали в орудие, а затем бросили на произвол судьбы под ударами превосходящей израильской военной машины. «Устраняя ООП как военную организацию, израильское государство», помимо прочего, стремилось подтолкнуть палестинскую буржуазию оккупированных территорий в «к интеграции»³ в единый рынок, к чему она быстро двигалась и до этого. Результат, отмечал Черветто, не был предопределён, хотя тенденция к интеграция существовала у палестинской буржуазии.

Течения, выступающие против формирования палестинского государства, в частности, в партии «Ликуд» – например, Ариэль Шарон, – поддерживали (а некоторые до сих пор поддерживают) тезис о том, что такое государство уже существовало в Королевстве Иордания.

Так называемый «иорданский вариант» был предложен лейбористскими течениями, например, Шимоном Пересом, и подразумевал создание регионального общего рынка и таможенного союза Израиля, Иордании и палестинских территорий. Эта гипотеза получила развитие в соглашениях 1993 года в Осло, с учётом перспектив формирования

регионального рынка. Черветто дал ей оценку сразу после заключения Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года между Египтом и Израилем и затем ещё раз, размышляя о возможных последствиях соглашений 1993 года в Осло между Ицхаком Рабиным и Ясиром Арафатом, которые договорились о создании палестинского государства. К этой гипотезе вернулись при заключении соглашений Авраама 2017–2020 годов, а затем её продвигала администрация Джо Байдена вплоть до начала войны в Газе.

Можно отметить, что соглашениям в Осло способствовали изменение международного баланса сил (крах СССР) и регионального баланса, мирный договор в ливанской войне и последствия войны в Персидском заливе 1991 года. На ситуацию влияли два фактора относительной слабости. Во-первых, Израиль столкнулся с кризисом и экономическим переходом от прежних государственнокапиталистических форм, которых “Ликуд”, несмотря на весь свой либеризм, не решался трогать. Кроме того, в Израиль хлынула последняя миграционная волна из бывшего СССР, насчитывавшая более 500 тысяч человек. Это позволило Вашингтону использовать свой рычаг для продавливания разрешения конфликта: администрация Буша вынула из кошелька 10 миллиардов долларов. Наконец, первая палестинская интифада на Западном берегу Иордана и в Газе 1987–1990 годов показала Израилю цену оккупации.

Второй фактор слабости, более серьёзный, был связан с ООП. Нашедшая убежище в Тунисе с 1982 года, организация получила американское признание на излёте десятилетия, но растеряла всех своих региональных сторонников. Иордания официально отказалась выполнять функции администрации на Западном берегу Иордана. После того, как Арафат поддержал Ирак Саддама Хусейна в 1990–1991 годы, ему урезали финансирование также арабские нефтяные монархии. Сама интифада, к которой привели экономические потребности, навязала ООП растущую политическую конкуренцию со стороны ХАМАСа и исламистского национализма. Ползучая израильская колонизация Западного берега Иордана, постепенное усиление ХАМАСа и иерусалимский вопрос привели соглашения 1993 года сначала к кризису, а затем и к тупику. Выхода из него найдено не было, что привело к прогрессирующему краху этой перспективы, конец которой положила палестинская гражданская война в Газе в 2006–2007 годах. Результатом этих событий стало изгнание ФАТХ из Сектора Газа и дальнейший раздел палестинской территории между двумя националистическими течениями: ООП обосновалась на Западном берегу реки Иордан, а ХАМАС – в Газе.

Правительства Биньямина Нетаньяху в 1996–1999 годы согласились на вывод колониальных поселений из ряда зон Западного берега Иордана, например, из Хеброна; Ариэль Шарон вывел войска из Газы в 2005 году, что раскололо “Ликуд”, из отделившейся части которого была сформирована центристская партия “Кадима” (“Вперёд” – лозунг отрядов десантников, которыми Шарон командовал в середине 1950-х годов). Однако с 2009 года и до сегодняшнего дня правительства Нетаньяху выбрали линию на расширение поддержки колонистов и игру на внутripалестинском соперничестве.

С того момента число игроков ещё больше выросло: Катар, Турция, Иран – все они используют палестинскую карту как инструмент влияния и проекции. Решение в виде двух государств, где палестинское государство стало бы, так или иначе, экономическим сателлитом еврейского с ограниченным суверенитетом, сегодня зависит от соглашений по безопасности, заключёнными Вашингтоном и Эр-Риядом: саудиты хотели бы заключения договора о гарантиях, аналогичных тем, что Вашингтон предоставил Токио, а также поддержки развития их собственной ядерной программы. Израиль, в свою очередь, хотел бы двустороннего соглашения по безопасности с США, а в ответ должен был бы согласиться на предоставление суверенитета Палестине. Однако два вопроса остаются открытыми: еврейские колонии на Западном берегу Иордана и вопрос столицы Палестины в Восточном Иерусалиме, представляющие собой один из наиболее запутанных узлов палестинского клубка.

Решение в виде конфедерации или экономического союза, подпитанного международными капиталами и нефтяной рентой Персидского залива, имеет объективную основу и материальную базу, учитывая также пересечение в регионе множества экономических маршрутов, от китайского Шёлкового пути до коридора ИМЕС между Европой и Индией. По

той же причине, однако, существует столько же поводов для соперничества между державами: здесь сталкиваются интересы Ирана и Турции, Китая и России.

Реализм и хитрость Шарона

Соперничество существует и между течениями *«двух сионизмов»*, если воспользоваться определением Витторио Дан Сегре (*“Le metamorfosi di Israele”*, 2006): в еврейском сионизме – между историческим светским течением и национально-религиозным, к которому за двадцать лет правления Нетаньяху добавилась национал-популистская дозировка; а в конкурирующем палестинском “сионизме” между ПНА-ФАТХ и ХАМАС. Формула *«от реки до моря»*, которую поднял на знамя ХАМАС, является в то же время традиционным требованием израильской националистической правой с 1930-х годов и национал-религиозной правой с 1970-х годов. В крайних версиях она звучит как *«от Нила до Евфрата»*, то есть отсылает к *«земле обетованной»* из библейских текстов.

В конце концов, своими жизнями заплатились как Анвар Садат, так и Ицхак Рабин. Первый был убит в 1981 году террористической группой, вышедшей из Братьев-мусульман, за подписание мирного договора 1979 года. Второго убили в 1995 году радикалы национал-религиозной правой за подписание соглашений в Осло. Как считает Дан Сегре, Рабин не понял, что подписание договора приводило не только к *«смерти ООП»*, но и к *«концу мечты о Большом Израиле»*.

Как ни парадоксально, продолжает Дан Сегре, именно Шарон был *«одним из главных ответственных»* за *«ловушку»* территориального расширения 1967 года. Шарон был *«практиком войны и народным вождем, приземистым и грубым»*, но также обладал качествами, которые позволили еврейскому государству из неё выбраться. Он был *«хитрецом»* – это, согласно Талмуду, *«человек, который умеет выпутываться из ситуаций, в которые мудрец никогда бы не попал»*. Он был антиподом Шарля де Голля, продолжает Дан Сегре, но разделял с ним черту *«политического реализма»*. Именно политический реализм заставил генерала покинуть Алжир, а Шарона – Сектор Газа: в обоих случаях *«демографический рост колониальных территорий [...] извратил бы национальную идентичность французов и евреев»*. Эту способность Шарона, по мнению Дан Сегре, его преемники так и не смогли повторить, в том числе из-за травмы от убийства Рабина. По мнению Аншеля Пфедфера, журналиста “Гаареца” и биографа Нетаньяху (*“Bibi”*, 2020), она развилась в *«климате гражданской войны»* в Израиле с 1993 года.

Гражданская война палестинского национализма

Со стороны Палестины, пишет Паола Кариди, конкуренция между ФАТХом и ХАМАСом обострилась. Исламистское движение укоренилось в Газе с конца 1930-х годов, а беженцам пришлось обосновываться там на постоянной основе после изгнания с израильских территорий в 1948 году и последующей израильской экспансии в 1967-м. Представители *«второго поколения беженцев»* были связаны с палестинской *«диаспорой в монархиях Персидского залива»*, например, в Кувейте. Они могли рассчитывать на обширную сеть фондов социальной поддержки, а также мечетей и университетов, созданных с помощью благотворительных организаций арабского мира. Начиная с 1970-х годов ХАМАС извлёк выгоду из восхождения политического исламизма. Черветто подчёркивал, что ООП была суммой *военных фракций*, находящихся на содержании у различных отрядов арабской буржуазии, и имевшей *массовую базу, представленную изгнанным населением*⁴. Сам Арафат, родившийся в Каире, утверждал, что он родом из Газы.

Укоренению ХАМАС, как отмечают сами израильские комментаторы, способствовало политическое и военное руководство Тель-Авива после 1967 года. Цель состояла в том, чтобы иметь исламистского, консервативного и до середины 1980-х годов *«неактивного»* конкурента нерелигиозному “арабскому социализму” ООП баасистского и насеровского образца. В некотором смысле, по мнению индийского аналитика Брахмы Челлани, этот шаг был задуман по образцу американской политики взращивания афганского исламистского сопротивления против СССР.

В конфликте между двумя основными течениями отчаявшегося палестинского национализма, зеркального по отношению к еврейскому, ФАТХ искал международной поддержки, а негласно – и израильской помощи против своих исламистских соперников. Он

потерпел электоральное поражение в 2006 году, а затем и военное, когда ХАМАС стал гегемоном в секторе Газа и изгнал военное крыло ФАТХ. Соперничество распространилось на Западный берег реки Иордан и Иерусалим. ХАМАС вступил в отчаянную гонку со своим соперником при молчаливом согласии Тель-Авива, а также арабских правительств.

Последние вели переговоры с ХАМАСом и держали его как инструмент влияния. Египет подавил Братьев-мусульман, но неизменно использовал их филиал в Газе, чтобы укрепить свою роль регионального посредника и использовать её в трёхсторонних отношениях с Тель-Авивом и Вашингтоном. Некоторые монархии Персидского залива, такие как Катар или Кувейт, финансировали Хамас, а во время сирийской войны эмиратцы, катарцы, саудиты и турки пытались использовать его против режима Асада. Иран через Хезболлу обеспечил военное крыло ХАМАС баллистическим потенциалом и тренировал его контингент. Движение имеет свою аудиторию в Иордании, где 75 % населения составляют палестинцы, а разрушительная война в Газе оказывает давление на династию Хашимитов, всё чаще призывая к денонсации мирного договора с Израилем 1994 года.

“Разочарованные любители Сиона”

По мнению Пфеффера, политический путь Нетаньяху следует рассматривать через призму двух амбиций. Первая – стать новым объединителем израильской правой в исторически фрагментированном политическом ландшафте. Ситуация усугубилась относительным упадком лейбористов и “Ликуда” как основных партий, чему способствовала массовая еврейская иммиграция из бывшего СССР с конца 1980-х годов. Введя, по сути, президентское правление в гиперпропорциональную избирательную систему, пишет Ран Халеви, комментатор *Le Figaro* из Национального центра научных исследований (CNRS), Нетаньяху подарил малым партиям, особенно национально-религиозным, «*существенные рычаги для шантажа*» и зачастую позволял им играть роль «*стрелки весов*» в правительственных коалициях.

Другой амбицией, продолжает Пфеффер, было стремление утвердиться среди «*династий-основателей сионизма*», таких как Даяны или Вейцманы. Вышедшая из Литвы⁵, семья Нетаньяху, по мнению Пфеффера, представляет собой «*разочарованных любителей Сиона*»: фигуры интеллектуально глубокие, но маргинальные в еврейском национализме. Его дед поддерживал религиозный сионизм и был «*талантливым оратором*», но не приобрёл особых последователей. Его отец, Бенцион, родившийся в Варшаве, был академиком с амбициями политического лидера. Будучи секретарём Владимира Жаботинского в США, он рассматривался в качестве его возможного преемника, но его оттеснили другие деятели «*радикального ревизионизма*», связанные с “Иргуном”. Столкнувшись с продолжающейся гегемонией лейбористов в Израиле, Бенцион пришёл к выводу, что сионизм – «*неудачный проект*», и посоветовал своим сыновьям делать карьеру в Америке. Чем Беньямин и занимался до середины 1970-х годов.

Однако именно в США Нетаньяху открыл для себя эффективность телевидения и собственные ораторские способности. С этими инструментами он и пришёл в начале 1990-х годов в израильскую политику, где “Ликуд” находился в глубоком финансовом и организационном кризисе. Ему, будучи аутсайдером, удалось пробиться в партийной иерархии, где доминировали так называемые «*принцы*», сыновья исторических представителей правого крыла. Наряду с Рабином Нетаньяху может похвастаться тем, что является премьером, рождённым в Израиле, а также рекордсменом политического долголетия.

Во время кризиса, связанного с соглашениями в Осло, с массовыми уличными беспорядками и поляризованным противостоянием, Нетаньяху, как и сам Шарон и другие правые, поддерживал движение переселенцев. Последние в ходе массовых митингов обвиняли премьер-министра Рабина в «*предательстве*», «*продаже*» государства Израиль, угрожали ему смертью. Это был «*необходимый*» выбор, пишет Пфеффер, так как у “Ликуда” «*не было достаточного числа милитантов*», чтобы «*завладеть ситуацией на площадях*»; движение переселенцев, взращённое Шимоном Пересом и уходящее корнями в лейборизм, напротив, развило с 1970-х годов значительный мобилизационный потенциал. Кроме того, ему симпатизировали американские правые.

Убийство Рабина, напомнившее убийство Хаима Арлозорова в 1933 году, в котором левые обвиняют ревизионистов, заклеило Нетаньяху как «главного подстрекателя» кампании ненависти, хотя, как признаёт Пфеффер, другие правые, включая Шарона, позволяли себе «ещё более ненавистнические» заявления против Рабина. Такое клеймо, по мнению Пфеффера, может объяснить «укоренившуюся неприязнь» Нетаньяху к ведущим СМИ и израильской либеральной среде.

Его победа в схватке за пост премьер-министра в 1996 году против Переса, непопулярного среди самих лейбористов и яркого соперника Рабина, произошла с перевесом всего в 30.000 голосов, в разгар террористической кампании и вопреки международному мнению – администрации Клинтона и ЕС, – которое открыто болело за победу лейбористского кандидата. Но, как отмечает биограф Переса Михаэль Бар-Зохар (*“Shimon Peres”*, 2007), международные и арабские канцелярии «не голосовали в Израиле». Перес, опять же по мнению Бор-Зохара, стал собеседником Нетаньяху, регулярно посещая по вечерам резиденцию премьер-министра. Рабин, в свою очередь, питал «утробный антагонизм» к Пересу, которого называл «главным саботажником», когда тот был его министром иностранных дел, а также «презрение» к Нетаньяху, которого считал политически «легковесным».

Два Израила: Тель-Авив против “Иудейского царства”

Традиционная критика в адрес Нетаньяху заключается в том, что он ориентируется на так называемые «племена Израиля», прибегая к популистской дозе охранительных идеологий. Выражение «племя» использовал Реувен Ривлин, президент с 2014 по 2021 год, в своей речи 2015 года. Израильская политология выделяет пять избирательных блоков: нерелигиозные евреи ашкеназского происхождения, отражение исторического израильского истеблишмента; *мизрахим* с сефардским компонентом, которые иммигрировали в 1950-х годах и стали одной из массовых баз “Ликуд” в 1970-х; “русские”, иммигрировавшие в 1990-х; религиозные; блок израильских арабов, который до Рабина был резервуаром голосов для лейбористов. Наконец, существует трансверсальный блок под названием *харедим*⁶ – это национально-религиозный или национально-мессианский компонент.

Другое обвинение против Нетаньяху, выдвинутое, в частности, источниками из французской диаспоры, – это использование в предвыборных целях противопоставления между «евреями» и «израильтянами», или между *Эрец-Исраэль*, Землёй Израиля в библейском смысле, и *Мединат-Исраэль*, Государством Израиль. Алон Пинкас, бывший дипломат и обозреватель “Гаарец”, говорит даже о «двух государствах Израиль», которые взаимно «несовместимы». С одной стороны, «государство Израиль», «светское, высокотехнологичное и глобализированное», выражением которого является район Тель-Авива с его почти четырьмя миллионами жителей, что составляет около половины населения страны, и на который приходится большая часть её ВВП. С другой стороны, «Иудейское царство», «еврейская теократия, основанная на идеологиях национального превосходства», с «мессианскими тенденциями», которые подпитывают изоляционизм.

Пинкас ссылается на два прецедента: между 796 и 586 гг. до н. э., когда был разрушен первый храм и произошло так называемое «вавилонское изгнание», согласно ветхозаветному повествованию; и между 140 и 63 гг. до н. э., когда воцарились Хасмонеи и произошло римское завоевание. Разногласия «обострились после первого еврейского восстания в 66 году н. э., которое привело к разрушению Второго храма» римскими легионами в 70 году н. э., «что привело к диаспоре и исчезновению еврейского государства до 1948 года».

Внутренний раскол и политическое «сектантство» подпитываются, по мнению Пинкаса, почти шестидесятилетней оккупацией Западного берега Иордана, которая из «временной» превратилась в «постоянную черту политической и геополитической экосистемы Израиля». Оккупация почти пяти миллионов палестинцев подпитывает состояние «гражданской войны». «Иудейское Царство», которое Нетаньяху «сшивает как избирательный блок», состоящий из правых, крайне правых, ультраортодоксов и «последователей его личного культа», не представляет собой «большинства», но находится у власти. Если бы он возобладал, Израиль перестал бы быть тем, каким его создал «сионизм». Потому что, как утверждают критики, в нём утвердилась бы этнорелигиозная концепция государства, даже в ущерб 20 % арабских граждан страны, в основном палестинцев.

Решение о двух государствах также представляется труднопреодолимым препятствием для левоцентристских или центристских правительственных структур. По мнению Эфраима Инбара, директора Иерусалимского института исследований безопасности (JISS), близкого к “Ликуд”, такое решение, предусмотренное Вашингтоном в рамках расширения Соглашений Авраама до дипломатической нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией, является «пустой мечтой». С одной стороны, у Тель-Авива нет никаких гарантий, что «палестинское образование» не будет потрясено «гражданской войной», как это произошло в Сирии, Ираке и Йемене, с возобновлением боевых действий между «палестинскими фракциями», и не превратится в “несостоявшееся государство”. С другой стороны, соглашение о безопасности между Эр-Риядом и Вашингтоном, направленное против Ирана, будет означать согласие Штатов на развитие саудовского ядерного сектора: это «стратегический кошмар» для Израиля, который не хочет «многополярного ядерного порядка на Среднем Востоке», поскольку такое развитие подтолкнёт региональную «ядерную гонку».

Речь идёт не только о враждебном Иране, который, по мнению *Jerusalem Post* находится на расстоянии «одного-двух лет» от того, чтобы ввести в действие ядерные боеголовки. По мнению Инбара, это подтолкнёт к участию в ядерной гонке также Турцию и Египет. Это подтверждает, что конфликт обещает оставаться таким же неразрешимым, как и более века назад. Единственное, что может его разрешить, – это пролетарский интернационализм.

Октябрь 2024 г.

¹ – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 161–164.

² – Там же. С. 172.

³ – Там же. С. 171.

⁴ – Арриго Черветто в статье “Вторжение в Ливан возобновляет кровавую игру на Среднем Востоке” характеризует ООП как сумму «военных групп», вербовочной базой которых было «беднейшее крестьянство, изгнанное со своих земель и влачащее жалкое существование на подачки различных фондов помощи» (Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 172–173).

⁵ - Дед – Натан (Нетаньяху) Милейковский – родился в 1879 г. в местечке Крево Ошмянского уезда Виленской губернии, которое сегодня находится на территории Гродненской области Беларуси.

⁶ - Харедим – это обобщающее название и в некоторой степени самоназвание различных ультраортодоксальных еврейских религиозных общин и членов этих общин в Израиле и вне его. Интересы харедим в парламенте Израиля и органах местного самоуправления в значительной мере представляют ультрарелигиозные политические партии ШАС (“Всемирное единство сефардов, соблюдающих Тору”) и “Яхадут ха-Тора” (созданный в 1992 году блок двух религиозных партий: “Агудат Исраэль” и “Дегель ха-Тора”). О трансверсальности ультрарелигиозных партий Израиля можно говорить исходя из того, что на разных этапах они входили в разные правительственные коалиции: например, после выборов 1992 года ШАС вошла в левое правительство Ицхака Рабина, но после подписания Ословских соглашений вышла из него. В январе 2004 года “Яхадут ха-Тора” решила присоединиться к коалиции Ариэля Шарона, что привело к выходу “Дегель ха-Тора” из блока с “Агудат Исраэль”, но уже на следующий год началось восстановление единства блока. ШАС и “Яхадут ха-Тора” представлены и в нынешнем правительстве Израиля.

Отдельным направлением в политике Израиля является религиозный сионизм. Длительное время его представителем в Кнессете была партия МАФДАЛ (1956–2008), реорганизованная в 2008 году в “Еврейский дом”, которая в 2023 году слилась с “Ха-Ихуд ха-Леуми – Ткума” в партию “Национальная религиозная партия – Религиозный сионизм”. Её представителями в текущем правительстве Израиля является Бецалель Смотрич (министр финансов), Орит Струк (министр по делам поселений), Офир Софер (министр алии и интеграции). К этому же направлению принадлежит партия “Оцма Йехудит”, которая также входит в нынешнюю правительственную коалицию, в которой её представляют Итамар Бен-Гвир (министр внутренней безопасности), Амихай Элияху (министр Иерусалима и наследия), Ицхак Вассерлауф (министр развития Негева и Галилеи).